

РЯДОМ С РИХАРДОМ ЗОРГЕ

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

ХОЦУКИ ОДЗАКИ

Предлагая Ханакэ выйти замуж, он прочил в женихи ей Ходзуми Одзаки. Как ни странно, хотя Зорге уже целых десять лет поддерживал отношения с Одзаки, он до сих пор, видимо, почти ничего не знал о его личной жизни. Когда Одзаки сказал, что он женат и у него дочь учится уже в старшем классе начальной школы, Зорге вытаращил глаза от удивления, и они вместе посмеялись над его «матримониальным проектом».

Ходзуми не любил много говорить о своих личных делах.

АРЕСТ

В тот период, когда Одзаки начал постепенно отдаляться от ближайшего окружения Коноэ, стали распространяться слухи, что среди членов общества «Сёва кэнкю кай» имеются «красные». Весной 1940 года это общество было распущено. Атмосфера была такая, что при желании нетрудно было расценить идею восточноазиатского содружества, с которой выступал Одзаки, как некую замаскированную левую концепцию. Был пущен даже слух, что одна из журнальных статей Одзаки, опубликованных в Японии, перепечатана советским журналом; это якобы обратило на себя внимание соответствующих властей, и за Одзаки установлен негласный полицейский надзор. История эта напоминает случай со статьей Зорге о событиях 26 февраля и весьма сомнительна. Вместе с тем Кэйдзиро Отани, который с августа 1936 года был начальником жандармского отделения в районе Акасака, свидетельствует, что с 1940 года он по линии жандармерии следил за выступлениями Одзаки в печати.

С другой стороны, уже довольно длительное время велся перехват подозрительных шифрован-

ных радиogramм, то и дело появлявшихся в эфире над Токио, и радиоотдел министерства связи разыскивал неизвестную рацию.

Кроме того, японская иммиграционная полиция начиная с 1940 года стала усиленно интересоваться социалистами, реэмигрировавшими из Америки, и лихорадочно искала американских и английских шпионов. Список японцев, состоявших в калифорнийской организации американской компартии, был составлен зарубежной резидентурой японской тайной полиции еще в 1938 году.

К этому времени (1940 год) относится и самоубийство корреспондента английского телеграфного агентства Рейтер Кокса.

Японская иммиграционная полиция, расследуя совместно со вторым отделом тайной политической полиции дела о нелегальном проникновении в страну японских коммунистов из Америки, уже выявила имена Томо Китабаяси и Ёсинори Мияги и разыскивала их.

К концу сентября 1941 года стало очевидным, что армия готовится открыть военные действия на юге. Военно-морской флот завершил подготовку, сухопутные войска непрерывно перебрасывались из Маньчжурии на юг.

В конце сентября в осведомленных кругах начали упорно шептаться о том, что японо-американские переговоры будут прекращены и что кабинет Коноэ (третий) доживает последние дни.

15 октября 1941 года Клаузен пришел к Зорге. У Зорге был необычно взволнованный вид. Он сказал, что Мияги, который должен был прийти на связь 13-го, не явился. 15 октября Зорге должен был встретиться с Одзаки в ресторане «Азия» в здании правления ЮМЖД, но Одзаки тоже не явился.

Зорге передал Клаузену ряд сообщений для срочного радиирования в Москву. Бегло просматривая тексты, Клаузен увидел телеграмму, которая заканчивалась словами: «Дальнейшее пребывание в Японии бессмысленно. Поэтому жду вашего при-

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 8—9 за 1965 год.

каза о возвращении на родину, то есть в Советский Союз, или об отъезде в Германию для выполнения нового задания».

Итак, миссия Зорге в Японии была окончена. Теперь нужно было прорваться через полицейский кордон и перебраться на новое место. Будет ли это Советский Союз, или нацистская Германия?

Передавая Клаузену текст последней телеграммы, Зорге твердо знал, что в Японии больше оставаться нельзя. На этом занавес здесь опускался.

Но телеграмма эта так и не попала в Москву.

15 октября в своем доме на Мэгуро был арестован Одзаки. 18 октября на квартире у себя по улице Нагадзака был арестован Зорге.

Третий кабинет Коноэ ушел со сцены, и в день ареста Зорге был сформирован кабинет Тодзио, который решительно толкнул Японию в пучину второй мировой войны.

ТВЕРДОСТЬ И ОПТИМИЗМ

До конца октября Одзаки содержался в камере полицейского управления района Мэгуро. 1 ноября его перевели в тюрьму Сугамо. За эти 15 дней Одзаки, весивший более 70 килограммов, потерял около восьми кило. По одному этому можно судить о том, как протекали допросы.

На допросах Одзаки стремился полностью раскрыть свое политическое лицо и изложить свои убеждения. Следователи и прокурор, допрашивавшие Одзаки, исходили из предвзятой схемы: Одзаки — коммунист, и, стало быть, его взгляды и вся его деятельность должны были соответствовать тому стереотипу, какой они себе рисовали. Вследствие этого, фиксируя показания Одзаки, они старались упростить и схематизировать и его сложный духовный мир и его действия. Но несмотря на это, даже из материалов следствия (протоколы допросов, следовательские записи и т. д.) вырисовывается светлый образ Одзаки, которому были присущи твердость и оптимизм.

Когда знакомишься с протоколами допроса Одзаки, невольно спрашиваешь себя, не предвидел ли он, что в ближайшем будущем их содержание станет известно широким массам. То же самое можно сказать о его письмах из тюрьмы к жене и дочери. (Впоследствии эти письма были изданы отдельной книгой под названием «Любовь, подобная падающей звезде».)

В форме частных писем к жене и дочери он на самом деле обращался к народным массам послевоенной Японии. Хотя, учитывая цензуру, он и вынужден был прибегать к эзоповскому языку, в этих письмах раскрывается истинная душа Ходзumi Одзаки.

Когда прокурор спросил Одзаки о его теперешнем душевном состоянии, он отвечал:

«Я уже давно подготовился к этому дню. Да и по складу характера я человек, философски относящийся к своей судьбе. Поэтому я сравнительно спокоен. Я родился в эпоху крутых поворотов в истории человечества. Я человек увлекающийся, и с тех пор как я познакомился с марксизмом и затем воочию наблюдал ход китайской революции, я стремительно шел по избранному мною определенному пути, ни разу не оглянувшись назад. И сейчас мне бы хотелось, следя за ходом мировых событий из-за железной тюремной решетки, оглянуться назад и спокойно обозреть пройденный мною путь» (протокол № 27 допроса Одзаки прокурором).

Сам Одзаки был не так уж сильно потрясен своим арестом. Гораздо больше его тревожила судьба друзей и родных, которые в связи с этим подвергались неожиданным испытаниям, и он просил у них прощения. И об этой своей душевной боли и тревоге он не раз повторяет в письмах из тюрьмы. Однако многочисленные друзья, с которыми Одзаки поддерживал отношения, после его ареста не отвернулись от его семьи. И тем, что его жена и дочь сумели благополучно пережить тяжелые военные годы и были ограждены от холодного презрения общества, считавшего Одзаки шпионом и изменником родины, этим они обязаны силе той дружбы, которая связывала Одзаки со многими людьми.

«Эйко рассказала мне, как старались для меня мои друзья, находящиеся на свободе. Она сказала, что я, наверное, себе этого даже не представляю. Нет, я представляю себе это. ...Если вдуматься, я счастливый человек. Всегда и повсюду я сталкивался с проявлениями глубокой людской любви...» (из письма, написанного Ходзumi Одзаки в камере смертников тюрьмы Сугамо 7 апреля 1944 года).

Перевел с японского
С. Гутерман

ЯПОНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

*

Очень часто большая вежливость
означает: я хочу чего-то.

*

Мудрый прислушивается к голосу разума,
глупый — к голосу толпы.

*

Ругай себя, как ругаешь других;
прощай других, как прощаешь себя.

*

Выходишь из дома — посмотри на небо;
Входишь в дом — посмотри на лицо хозяина.

*

За деньги человеком не станешь.

*

Нельзя продать рыбу, когда она еще в море.

*

Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.